

Слыша, что из рощи доносятся странные, непрекращающиеся звуки, двое слуг набрались храбрости и, вооружившись фонарями, направились в самую чашу.

Огромный корень всё еще мерно двигался в лоне; император не внял увещаниям премьер-министра и не пожелал остановиться, продолжая упиваться наслаждением.

Ли Цзиньюй слышал, как шаги становятся всё ближе. Его ногти оставили красную полосу на шее государя, и он в отчаянии прошептал:

— Ваше Величество... Ваше Величество, они почти здесь... нас обнаружат...

Он до смерти боялся, что его увидят в таком виде — бесстыдно покорным, стонущим под натиском мужчины. Сладость внизу живота продолжала волнами подниматься вверх, но и ужас в сердце рос с каждой секундой.

Он непрестанно молил императора о пощаде, давая в ответ неисчислимое множество обещаний.

Он согласился на близость у бассейна дворца Линьцзян, в кабинете у окна, выходящего в сад, и даже на лодке посреди пруда.

В прошлый раз император хотел сойтись с ним на воде, но лодка была маленькой и шаткой; премьер-министр испугался, что они перевернутся, и наотрез отказался. К тому же, хоть густые листья лотоса и могли скрыть их тела, кто бы не догадался, чем они там занимаются несколько часов кряду?

Император помнил об этом отказе очень долго.

Служанки, вошедшие в рощу, слышали звуки всё отчетливее. От страха они крепко вцепились в руки друг друга и направили свет фонаря на ту самую камфорную нору, откуда доносился шум.

Там никого не было. Лишь испуганная крыса метнулась в сторону.

Только тогда они облегченно выдохнули: должно быть, это всего лишь дикие грызуны шуршали в листве.

Слуги удалились со своими фонарями, так и не заметив капель густой белой жидкости на земле, надежно укрытых разбросанными сухими листьями.

Император перенес премьер-министра за ствол огромного дерева, используя его как щит. Пока они перемещались, его твердый орган оставался внутри; Ли Цзиньюй едва не вскрикнул от этого толчка, но лишь крепко стиснул зубы, не смея издать ни звука.

Спрятавшись за великаном-деревом, они дождались, пока шаги затихнут. Облегчение сменилось потрясением: премьер-министр прижался к плечу императора и начал тихо всхлипывать. Он плакал навзрыд, задыхаясь, и всё его тело мелко дрожало.

Чувствуя свою вину, император поспешил извиниться:

— Я больше никогда не посмею так поступать.

Премьер-министр больно ущипнул его за руку и, захлебываясь слезами, выдавил:

— Никакого «следующего раза» не будет!

Император мысленно сетовал на свою участь, но из-за того, что тело премьер-министра сотрясалось от рыданий, податливая плоть внутри тоже трепетала, плотно обхватывая и посасывая корень государя. Император втайне даже пожелал, чтобы супруг поплакал подольше.

Однако, видя, что тот уже задыхается от слез, государь преисполнился жалости. Он решил ослабить хватку и опустить премьер-министра на землю, чтобы как следует утешить красавца.

Но Ли Цзиньюй до этого лишь висел на плече императора, не прилагая собственных усилий. Как только руки государя разомкнулись, он едва не опрокинулся назад.

Не зная, что ладони императора всё еще страхуют его со спины, он в панике дернулся. Когда его тело соскользнуло вниз, огромный жезл вонзился в самую глубину его нутра; премьер-министр едва не лишился чувств.

Он лихорадочно полез обратно вверх, сквозь рыдания умоляя:

— Ваше Величество, держите меня! Обнимите меня!

Он не смел разжать рук, а его тонкие белые ноги намертво обхватили талию императора. Внизу они слились воедино, и Ли Цзиньюй боялся отстраниться хоть на йоту.

Император успокаивал его:

— Я лишь хотел поставить тебя на землю.

Он снова крепко обнял его.

Премьер-министр, не слушая объяснений, продолжал плакать:

— Я не спущусь!

— Хорошо, хорошо, — покорно согласился император, — не спускайся.

Он подавил в себе желание продолжать толчки, лишь мягко поглаживал затылок Ли Цзиньюя и нежно целовал его лицо, дюйм за дюймом осушая соленые дорожки слез.

Он шептал слова любви, которые тонули в шорохе листвы. Император неустанно повторял одну фразу за другой, признаваясь в своих чувствах.

Наконец всхлипы затихли.

Премьер-министр с любопытством спросил:

— И как сильно ты меня любишь?

Император прижался своим лбом к его лицу:

— Если ты захочешь ясную луну с небес — Я достану её для тебя.